

ОТЗЫВ

Официального оппонента

доктора исторических наук Боброва Леонида Александровича на диссертацию Тепкеева Владимира Толтаевича «Российское государство и калмыки: проблемы политических взаимоотношений в XVII – первой четверти XVIII века», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Исторический период, охватывающий XVII — первую половину XVIII в., сыграл важную роль в истории народов Евразии. Однако если для европейцев главными его событиями стали Тридцатилетняя война, Английская революция, военные конфликты с Османской империей, Великая Северная война, Война за испанское наследство и др., то для внутренней Евразии данный период справедливо именуется эпохой Малого Монгольского (ойратского) нашествия. В XVII — первой половине XVIII в. ареал военной активности ойратов включал огромные пространства внутренней Евразии от причерноморских степей на западе до Тибета на востоке и от лесов Западной Сибири на севере до пустынь Мавераннахра на юге. В первой половине XVIII в. джунгарские *хунтайджи* контролировали значительную часть Центрального, Южного и Юго-Восточного Казахстана, практически весь Восточный Туркестан и Горный Алтай. В свою очередь, западные ойраты (волжские калмыки) стали одним из основных союзников Российского государства в войнах с крымскими татарами и ногаями. Калмыцкие отряды неоднократно вторгались в Крым и земли черкесов, вели боевые действия на территории Правобережной и Левобережной Украины, в причерноморских степях, на Кубани и в степях Западного Казахстана. Под ударами калмыков пала Большая Ногайская орда. Весьма значительный вклад внесли калмыки и в победы российской армии над войсками Крымского ханства и его союзников в военных конфликтах первой половины — середины XVIII в. Таким образом, ойраты сыграли важную роль в исторической судьбе многих народов Восточной Европы, Северного Кавказа, Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии. Не будет большим преувеличением сказать, что военно-политическая ситуация в западной части Великой степи в XVII — первой половине XVIII в. в значительной степени определялась особенностями взаимодействия калмыцких *тайшей* с Крымским ханством и особенно с Российским государством.

Российско-калмыцкие отношения XVII —XVIII вв. неоднократно привлекали внимание отечественных и зарубежных историков. Однако вплоть до недавнего времени данная тема не становилась объектом комплексного исторического исследования, призванного выявить все основные политические проблемы российско-калмыцких отношений от момента первых контактов до конца правления хана Аюки, при котором

Калмыцкое ханство достигло пика своего политического могущества. Отсутствие специальных научных работ по указанной тематике затрудняет всестороннее изучение российско-калмыцких отношений, а также препятствует выявлению исторической роли калмыков в становлении и развитии «Империи Романовых». Таким образом, заявленная соискателем тема научного исследования представляется весьма своевременной и актуальной.

Рукопись диссертации В. Т. Тепкеева сброшюрована в один том общим объемом 514 страниц. Она включает 481 страницу основного текста (введение, пять глав, заключение), список использованных источников и литературы (всего 469 ед. архивных материалов, опубликованных источников, монографий и научных статей). Первая и третья главы разделены на два, четвертая и пятая на три, а вторая – на четыре параграфа. Структура диссертации традиционная и отвечает цели, поставленной автором.

Во введении В. Т. Тепкеев обосновывает актуальность своей работы, определяет объект и предмет исследования, ставит цель и задачи. Здесь же характеризуются территориальные и хронологические рамки, источниковая база, методология и методика исследования, новизна и практическая значимость работы, а также ее структура.

Как уже отмечалось выше, актуальность предложенной к рассмотрению темы диссертации не вызывает сомнений (с. 3–5, 7). Поставленные задачи последовательно ведут к достижению основной цели исследования – выявить комплекс политических проблем во взаимоотношениях калмыков с Российским государством в XVII – первой четверти XVIII в. (с. 6, 7). Автор уверенно фиксирует и обосновывает хронологические и территориальные границы своей работы (с. 5, 6), лаконично, но всесторонне характеризует методологическую базу исследования, а выбранные диссертантом методы позволяют ему успешно решать поставленные задачи (с. 18–20). Апробация работы в виде публикаций и докладов на различных (в том числе международных) конференциях, безусловно, способствовала выработке В. Т. Тепкеевым взвешенной позиции по многим проблемам, затрагиваемым в его диссертации.

В главе 1, состоящей из двух параграфов, проанализирована история изучения российско-калмыцких отношений, а также источники по теме исследования. Автор диссертации выделяет три основных этапа в изучении российско-калмыцких отношений: «Дореволюционный» (XVIII – начало XX в.), «Советский» (20-е – начало 90-х гг. XX в.) и «Современный» (конец XX – начало XXI в.). Главной особенностью первого из них был акцент на изучении опубликованных материалов, в то время как письменные источники из архивов к анализу исследуемой темы практически не привлекались. Ввиду узости источниковой базы обобщающий труд по истории калмыков в этот период так и не был

создан. Тем не менее, «...несомненной заслугой всех дореволюционных авторов является накопление фактического материала и введение в оборот ранее не известных источников» (с. 24, 25, 31, 48; автореферат: с. 19). На протяжении «Советского» и «Современного» этапов при изучении истории российско-калмыцких отношений архивные материалы стали использоваться более активно, кроме того, были «...достаточно полно изучены социально-экономический и политический строй Калмыцкого ханства» (с. 48).

Основой источниковой базы диссертационного исследования являются как опубликованные, так и впервые вводимые в научный оборот неопубликованные документы центральных и местных органов власти России XVII – первой четверти XVIII в. В том числе материалы, хранящиеся в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Архива внешней политики Российской империи МИДа Российской Федерации (АВПРИ), Национального архива Республики Калмыкия и др. (с. 49–51, 57). Кроме того, диссертантом проанализированы среднеазиатские, тибетские, монгольские, а также ойратские (в том числе калмыцкие) письменные источники рассматриваемого периода (с. 51–57, 59–61). В целом источниковая база представленного научного исследования отличается полнотой и разнообразием.

В главе 2, состоящей из четырех параграфов, автор диссертации подробно анализирует особенности российско-калмыцких отношений в начале XVII в. (параграф 2.1), в 30-х гг. XVII в. (2.2), 40-х гг. XVII в. (2.3) и первой половине 50-х гг. XVII в. (2.4).

В главе 3 последовательно рассмотрены основные этапы вхождения калмыков в состав Российского государства в середине 50 -- начале 70-х гг. XVII в. Автор диссертации справедливо подчеркивает, что «решающее значение в изменении политики России по отношению к калмыкам имела начавшаяся в 1654 г. русско-польская война» (с. 249; автореферат: с. 29).

Основным объектом изучения в главах 4 и 5 представленной диссертации являются российско-калмыцкие отношения в 1672–1700 гг. и первой четверти XVIII в. соответственно.

В заключении В. Т. Тепкеев приводит подробный обзор основных выводов своей работы (с. 461–481).

Давай общую оценку представленного диссертационного исследования необходимо отметить, что это глубокая и основательная научная работа, базирующаяся на широком массиве письменных источников, которые позволяют проследить все основные этапы развития российско-калмыцких отношений в XVII – первой четверти XVIII в. В историографической перспективе диссертация В. Т. Тепкеева «Российское государство и калмыки: проблемы политических взаимоотношений в XVII – первой четверти XVIII века» представляет собой первое системное исследование по данной проблематике, основанное на

комплексном анализе различных письменных источников. Оно представляет собой важный этап в деле изучения русско-калмыцкого политического, военного и социально-экономического сотрудничества в период вовлечения калмыков в орбиту Российского государства.

Скрупулезное изучение собранных материалов позволило В. Т. Тепкееву сделать ряд интересных выводов, касающихся особенностей формирования ойратских этнополитических группировок в XVII в. (с. 7, 461, 462), а также основных этапов образования Калмыцкого ханства (с. 11). Отмечая важность различных социально-экономических, политических и природно-климатических факторов, обусловивших начало миграции ойратских племен в западном направлении, диссертант в то же время замечает, что «Монголо-ойратские войны второй половины XVI – начала XVII в. стали главной причиной исхода большей части ойратов с территории Восточного Алтая и Джунгарии в степи Юго-Западной Сибири» (с. 461). В целом предложенная автором концепция представляется достаточно взвешенной и не вызывает принципиальных возражений. Впрочем, как и высказанная В. Т. Тепкеевым идея о последовательности формирования западной ойратской этнополитической группировки, подчинившей со временем территорию Северного Прикаспия.

Несмотря на некоторые условности и нюансы можно в целом согласиться с предложенной соискателем датой образования Калмыцкого ханства (1647 г.). В этом году Дайчин вернулся в степи Северного Прикаспия из Центральной Азии, где он был признан ханом представителями ойратской знати и буддийского духовенства.

Значительную ценность для отечественной науки представляет также установленная диссертантом дата получения Аюкой ханского титула от Далай-ламы VI (1698 г.), а также введение в научный оборот ранних письменных свидетельств русско-калмыцких отношений (письмо *тайши* Лузана русскому царю Михаилу Федоровичу Романову в 1642 г. и др.).

Можно согласиться с тезисом В. Т. Тепкеева о том, что одним из важнейших этапов вовлечения калмыков в политическую орбиту Российского государства стала Русско-Польская война 1654–1667 гг. Именно с этого времени «...открылась новая страница в русско-калмыцких отношениях» (с. 465; автореферат: с. 11).

В связи с этим вполне закономерным решением является концентрация внимания автора диссертации на деятельности князя и астраханского воеводы Г. С. Черкасского, который в известной степени изменил традиционные (но далеко не всегда эффективные) подходы Москвы к ведению переговоров с ойратскими *тайшами*: «Следует признать, что ключевую роль в форсировании русско-калмыцких переговоров сыграл боярин Г. С. Черкасский. Именно ему и его команде, в которую входил и племянник К. М. Черкасский, удалось добиться положительного результата в урегулировании

отношений с калмыками и привлечь их к военной службе России» (с. 467). Действительно, проведенная Г. С. Черкасским кропотливая дипломатическая работа не только сняла многие острые актуальные проблемы российско-калмыцких отношений, но и подготовила почву для участия воинских контингентов ойратов в Русско-Польской войне.

К числу несомненных заслуг диссертанта следует также отнести выявление роли калмыков в подавлении социальных и национальных движений на юге Российского государства в XVII – первой четверти XVIII в. (восстания С. Разина, К. Булавина и др.). Долгое время данная тема по известным причинам замалчивалась в отечественной историографии. Изучение данного вопроса позволило соискателю воссоздать более цельную картину роли калмыков в российской внутренней политике указанного периода.

Полемическим, но весьма интересным выглядит выдвинутый В. Т. Тепкеевым тезис о том, что «Деятельное участие калмыцкой конницы в подавлении восстаний на юге Российского государства во второй половине XVII – начале XVIII в. стало решающим фактором в недопущении их широкого распространения на соседние регионы» (автореферат: с. 14). Данный тезис подтверждается сведениями о действиях калмыцких войск во время подавления восстания Кондратия Булавина в начале XVIII в. В работе убедительно показано, что именно агрессивные и умелые действия ойратских кавалерийских отрядов под Саратовом не позволили повстанцам поднять на борьбу с царизмом население Среднего Поволжья и объединиться с восставшими башкирами под Уфой. Кроме того, исследователю удалось впервые раскрыть политическую подоплеку и мотивы, которые двигали ойратскими *тайшами*, решившими оказать помощь правительственным силам.

Характеризуя личный вклад соискателя в изучение рассматриваемой темы, следует, в первую очередь, выделить введение в научный оборот целого комплекса ранее не использовавшихся архивных источников, разработку концепции образования ойратских этнополитических группировок в XVII в., выявление основных этапов становления Калмыцкого ханства, реконструкцию исторической роли калмыков в социальных и национальных движениях, а также всесторонний анализ участия калмыцких *тайшей* российской политике на Северном Кавказе в XVII – первой четверти XVIII в. и др.

Отмечая многочисленные успехи диссертационного исследования, также необходимо зафиксировать некоторые неточности и спорные моменты, которые, впрочем, достаточно часто встречаются и в других работах подобного рода.

Так, например, не очень понятен принцип разделения истории изучения российско-калмыцких отношений на «советский» и «современный» этапы в параграфе 1 главы 1. Принципиальные методологические и методические отличия в особенностях исследований данных периодов в тексте диссертации не зафиксированы. Оба этапа плавно перетекают

один в другой и рассматриваются как единый цельный период (с. 39). Последний факт несколько противоречит предложенной соискателем логической структуре рассматриваемой главы.

В разделе 2 главы 1, посвященном анализу источниковой базы исследования, отсутствуют упоминания о цинских письменных источниках, в которых затрагивается тема российско-калмыцких отношений изучаемого периода. Между тем, часть этих источников переведена на русский язык (см., например, цинские материалы по посольству Тулишэня к хану Аюке в 1712–1715 гг.). Тем не менее, публикации о посольстве Тулишэня приведены в списке источников и литературы (стр. 496, 506). Что дает основание предположить, что они все же могли быть использованы соискателем при подготовке диссертации.

Сложно не согласиться с утверждением В. Т. Тепкеева о том, что: «Со времени появления калмыков на землях Российского государства в начале XVII в. территориальная проблема в русско-калмыцких отношениях стала основной и определяющей» (с. 10). Однако подчеркивая значимость территориальной проблемы, нельзя игнорировать и другую ключевую тему российско-калмыцких отношений (особенно на их начальном этапе) – проблему ногайского населения. Именно стремление калмыков установить контроль над ногайскими родами стимулировало развитие ойратской экспансии в регионе и приводило к усилению напряженности между калмыцкими *тайшами* и российскими властями. Примеры подобных конфликтных ситуаций подробно разобраны В. Т. Тепкеевым в его монографиях и тексте диссертации, однако «Ногайский вопрос» почему-то не был включен в число основных политических проблем российско-калмыцких отношений (с. 10–17).

Перечисляя ключевые моменты изменения характера российско-калмыцких отношений в середине XVII в., автор диссертации совершенно справедливо выделяет Русско-Польскую войну 1654–1667 гг. (с. 12). Однако при этом в тени оказываются события 1644 г., когда армия Хо-Урлюка потерпела страшное поражение в горах Северного Кавказа, что существенным образом изменило военно-политический баланс в регионе. На наш взгляд, именно события 1644 г. стали непосредственным прологом к изменению характера российско-калмыцких отношений во второй половине столетия. Переосмысление *тайшами* политической стратегии после 1644 г. способствовало постепенному сближению калмыков с Российским государством во второй половине 40–60-х гг. XVII в. Наиболее ярким отображением данного процесса и стало участие калмыков в Русско-Польской войне 1654–1667 гг.

В качестве переломного события, способствовавшего нормализации российско-калмыцких отношений в конце XVII в., В. Т. Тепкеев справедливо называет переговоры Б. А. Голицына с Аюкой в 1697 г. Однако начало нового этапа отношений России и

калмыков диссертант предлагает отсчитывать не с 1697 г, а с 1700 г. При этом данное решение практически никак не обосновывается.

Не все вопросы российско-калмыцких отношений рассмотрены в представленной работе одинаково подробно. Так, например, практически не разобран такой важный аспект российско-калмыцкого взаимодействия, как военно-техническое сотрудничество, а также роль Российского государства в развитии военного искусства и оружейного комплекса калмыков во второй половине XVII – первой четверти XVIII в.

Сложно согласиться с утверждением соискателя о том, что вклад калмыков в победу России над Швецией в Великой Северной войне был «небольшим» (автореферат: с. 37). Калмыцкая конница не только участвовала в военных походах российской армии в 1702 г. в Прибалтику, в 1706 г. – в Польшу, в 1708–1709 гг. – на Украину, но и одержала несколько побед в полевых сражениях (так, например, в 1706 г. у г. Видава десяти тысячный корпус калмыков и казаков разгромил войска Юзефа Станислава Потоцкого – коронного гетмана Станислава Лещинского, союзника Карла XII). По сравнению с другими кочевыми народами, которые выставили свои войска для участия в боевых действиях против шведов и их союзников, калмыцкий вклад в общую победу был, на наш взгляд, весьма заметным.

В тексте диссертации и автореферата Джунгарское государство неоднократно именуется «ханством». Действительно, в отечественной историографии подобное определение встречается достаточно часто. Однако джунгарские правители из дома Чорос не являлись прямыми потомками Чингиз-хана по мужской линии, а, следовательно, по монгольской традиции не имели прав на ханский титул. Большинство владык Джунгарии носили титул *хунтайджи*, заимствованный из китайской титулатуры и означающий в буквальном переводе «августейший наследный принц, старший сын императора, наследник престола» (наиболее точный смысловой перевод на русский – Великий князь). Исключением являлся лишь джунгарский правитель Галдаг Бошокту-хан, которому титул хана был дарован главой буддийской церкви Тибета – Далай-Ламой. Таким образом, на протяжении большей части существования Джунгарского государства оно не являлось ханством. Очевидно, что в современных научных исследованиях необходимо избавляться от переходящих ошибочных историографических штампов, искажающих реалии рассматриваемой исторической эпохи.

Среди технических замечаний следует отметить опечатки (с. 249 и др.), а также почти дословные повторы отдельных предложений и фрагментов текста (например, в тексте автореферата: с. 8 и 11 и др.). В то же время сделанные замечания в основном носят дискуссионный характер и не снижают положительного впечатления от проведенного диссертантом исследования.

Подводя итог, следует отметить, что диссертация В. Т. Тепкеева написана квалифицированным языком, на высоком научном уровне, отличается обоснованностью научных положений, достоверностью и новизной выводов и рекомендаций. Она соответствует заявленной специальности, является самостоятельным, завершенным научным исследованием, в котором решена актуальная задача, имеющая важное научное значение. Проведенная автором диссертации исследовательская работа представляет значительную научную и практическую ценность.

Получены подтверждения публикации основных результатов диссертации в научной печати. Содержание автореферата и публикаций автора полностью соотносится с текстом диссертации. Поставленные в работе задачи решены, а цель достигнута. Диссертация «Российское государство и калмыки: проблемы политических взаимоотношений в XVII – первой четверти XVIII века» полностью соответствует требованиям пп. 9–14 Положения «О порядке присуждения ученых степеней», предъявляемым к докторским диссертациям, а Владимир Толтаевич Тепкеев достоин присвоения ему искомой ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – отечественная история.

Бобров Леонид Александрович

Официальный оппонент
доктор исторических наук
07.00.06 – археология

ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», Гуманитарный институт,
Кафедра археологии и этнографии, доцент,
Лаборатория гуманитарных исследований,
ведущий научный сотрудник
630090, Россия, г. Новосибирск,
Ул. Пирогова, д. 1.
spsml@mail.ru
8-913-927-12-69

